

О НОВЫХ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ

DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.598

Что происходит в социальной структуре российского общества?

Ссылка для цитирования: Широкалова Г. С. Что происходит в социальной структуре российского общества? // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 3. С. 165–172. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.598

For citation: Shirokalova, G. S. What is happening within the social structure of Russian society? Reviewing Zh. Toschenko's study "The precariat: from the proto-class to a new class". *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 165–172. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.598

Широкалова Галина Сергеевна

Нижегородская государственная
сельскохозяйственная академия,
Нижний Новгород, Россия

shirokalova@list.ru

AuthorID РИНЦ: 497528

Что происходит в социальной структуре российского общества?

Аннотация. В рецензируемой монографии Ж. Т. Тощенко «Прекариат: от протокласса к новому классу»¹ анализируются факторы формирования новой социальной общности – прекариата. Проводится критический разбор современных исследований изменений социальной структуры отечественными и зарубежными авторами, что позволяет выявить специфические явления и тенденции. Конкретизируются показатели расширения новых нестандартных форм занятости, относительность профессиональной специализации, несопоставимость выполняемой работы с уровнем образования и квалификации, что порождает иные самооценки и достигательные практики. Отсутствие подушки «экономической безопасности» и социальных гарантий у значительного числа населения расширяет границы этой социальной общности, а либеральная политика лишь усугубляет ситуацию риска. Фактологическая основа монографии столь обширна, что может служить своеобразной энциклопедией современных трудовых отношений в России.

Ключевые слова: прекариат, класс, общество риска, общество травмы, Россия

¹ Тощенко Ж. Т. 2018. Прекариат: от протокласса к новому классу. Монография / Ж. Т. Тощенко. Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М.: Наука. 350 с.

В данной монографии, как и в прежних работах автора («Парадоксальный человек», 2009; «Кентавр-проблема: опыт философского и социологического анализа», 2011; «Фантомы российского общества», 2015), анализируется одна из злободневных проблем современности – кардинальное изменение социальной структуры общества и появление на исторической арене новой общности (класса) – прекариата. Причём, не для констатации текущего положения вещей, а с целью верификации методологии, позволяющей понять причины, дать прогноз развития этого уникального и специфического социального явления, а, следовательно, предложить направления преодоления кризисных явлений.

Прежде всего отметим логичность структуры работы, что подтверждается названиями её разделов: «Теоретико-методологические основы исследования прекариата», «Структура прекариата: основные группы», «Настоящее и будущее прекариата».

Несомненное достоинство монографии – обширная источниковая база, на основе которой дана характеристика динамики социальных трудовых процессов в позднем СССР и современной России. Это официальные статистические данные, результаты исследований ведущих социологических центров, проведённых в том числе под руководством автора, научные публикации и др. Особую ценность представляют приложения с эмпирическими данными, анализ которых даёт читателю возможность верифицировать как выводы автора, так и собственные убеждения.

Основной посыл авторской позиции – изменение социальной структуры общества, начавшееся после разрушения СССР, – отражает новый уровень технологического развития экономики (его гибкость, флексибельность), с одной стороны, а с другой – либеральную политику, направленную на использование новых форм эксплуатации во имя безудержного роста прибыли как международного, так и отечественного капитала. Эти процессы не могли пройти бесследно для общественного сознания, которое чрезвычайно болезненно реагировало на эти процессы.

В название монографии вынесено понятие «прекариат», пока не часто используемое при характеристике социальной структуры в России. Подчеркнём особо – *пока*. Аргументы Ж. Т. Тоценко достаточны для доказательства, что новая социальная общность (класс) – не издержка логики общественного развития и не исключение из него, а принципиально новое явление, которое требует глубокого осмысления и определения его роли не только в настоящем, но и в будущем времени (с. 6 монографии).

Что же обеспечивает принципиальную новизну анализа? Ответ на этот вопрос зависит от выбора методологии исследования. Автор берёт за основу классовый подход к анализу социальной структуры, всесторонне исследуя её специфическую социально-экономическую основу, учитывающую новые социально-экономические и политические реалии (с. 7).

В начале монографии даётся предварительное определение прекариата – «принципиально новое образование, означающее социальный слой, который олицетворяет отчуждение не только от результатов труда, но и от всего общества значительных социальных групп, испытывающих особые, изодранные формы эксплуатации их труда, знаний, квалификации, что в конечном счёте влияет на качество их жизни» (с. 6).

На первый взгляд, оно несколько обобщённо формулирует признаки нового класса, что не позволяет увидеть его специфику. Действительно, отчуждение от результатов труда и общества в целом было характерно и для *пролетариата*. Формы эксплуатации были также весьма разнообразными, зависели от знаний и квалификации наёмных работников. В этом убедится каждый, прочитав классические работы Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1845 г.) и К. А. Пажитнова «Положение рабочего класса в России» (1908 г.). Следовательно, перед автором стоял вопрос о необходимости уточнения методологии и методов для выявления оснований нового класса в современных социально-экономических условиях. По мнению Ж. Т. Тощенко, «скорее всего, первостепенное значение приобретают оценка социально-экономического положения людей, выявление наиболее значимых характеристик жизнедеятельности различных социальных групп». Автор, учитывая методологическое значение для своего исследования классического определения классов В. И. Ленина (отношение к средствам производства, особое место в исторически определённой системе общественного производства, роль в общественной организации труда, способ получения и размер той доли общественного богатства, которой они располагают), в то же время считает, что в современный период для классовообразования приобретают значение показатели *занятость*, *социальные гарантии* и такая социально-психологическая установка, как *степень уверенности в будущем*.

Не требует особых доказательств, что все критериальные признаки в условиях современности имеют качественно отличную специфику не только по сравнению с классическим периодом капитализма. Она определяется всей гаммой общественных отношений, включая национальные и религиозные традиции, что принципиально изменяет соотношение факторов («кнута и пряника») воздействия на работников наёмного труда.

По итогам анализа отношений, складывающихся в трудовой сфере, Ж. Т. Тощенко уточняет характеристики прекариата: «Это часть социализированного населения, нацеленного на участие в трудовой жизни общества, на сохранение своего, пусть и деформированного, статуса, не утратившего социальные связи с окружающим миром, нацеленного на удовлетворение потребностей, часто выражающихся в поддержании своего достойного времени существования, но поставленных в ограничивающую их сферу трудовых и социально-экономических отношений» (с. 60). И далее: «прекариат – это формирующийся класс, который, с одной стороны, олицетворяет социальные слои, обладающие профессиональными знаниями, квалификацией, опытом и стремящиеся построить

рациональные взаимосвязи с обществом и государством, с другой – это быстро растущий слой работников нестабильного социального положения с неопределённой, флексибильной (гибкой) степенью занятости, с неустойчивыми формами распределения прибавочного продукта и произвольной оплатой труда. Они полностью или частично лишены доступа к социально-правовым гарантиям и к средствам социальной защиты и, как следствие, не видят удовлетворяющих их перспектив гражданской (публичной) и личной (приватной) жизни» (с. 68).

Исходя из такого определения, в монографии делается очень важный вывод о структуре прекариата, что позволяет конкретно анализировать те социальные группы, которые входят в его состав. К ним, по мнению автора, относятся работники с *неформальной, временной, сезонной или эпизодической занятостью, носящей негарантированный, нестабильный, неустойчивый, преходящий характер*. При этом, автор убедительно показывает, что численность прекариата растёт, имеет устойчивую тенденцию к увеличению, в том числе и за счёт людей, пока имеющих постоянную занятость.

Как и всякое глубокое научное исследование, монография обостряет постановку и иных принципиальнейших вопросов, ориентируя на продолжение теоретических поисков в дискуссиях, поскольку открывает новые аспекты оценки действительности. В связи с этим хотелось бы обсудить несколько проблем.

С многочисленными фактами, приведёнными автором для доказательства неизбежности появления класса прекариата в ситуации роста масштабов и разнообразия факторов риска и правомерности выделения его как самостоятельного явления в научном дискурсе, не поспоришь – их число можно умножать до бесконечности.

Ж. Т. Тощенко приводит многочисленные доказательства того, как риск, ставший повседневностью, жизненным фоном, формирует общество травмы, заменяя *Жизнь* для многих социальных групп *Существованием*. Но даёт ли это основание для выделения принципиально нового этапа в жизни человечества? Предыдущим формациям название давалось, как правило, исходя из нарицательного имени правящего класса (рабовладельческая, феодальная, капиталистическая) или подчёркивания отсутствия таковых (первобытно-общинная, коммунистическая). Автор предлагает социально-психологическую характеристику общества, являющуюся производной от социально-экономических условий, определив его как *общество травмы*. Новый подход к выбору критериального показателя фиксирует значимость психологического фактора для современного человека. Но что – очередной этап развития капиталистических отношений или принципиально иная, самостоятельная фаза общественного развития? Ответа пока нет. Не случайно одна из глав имеет заголовок «Общество травмы вечно?».

Действительно, закономерен вопрос: насколько граждане ощущают/осознают травматичность социальных отношений? Ранее такие травмы, возникавшие в результате войн, «гасились», как показывает

опыт прошлых этапов развития, в течение жизни одного поколения через уменьшение эмоциональности исторической памяти, а при переходе от одной формации к другой – несколько дольше из-за длительности социальных процессов во всех сферах общественной жизни. Не подобная ли ситуация и сейчас? Ведь отвечая на вопрос ВЦИОМ «Счастливы ли Вы?» более 80% дают положительный ответ. Возможно, ощущение травмы до сих пор присуще тем, кто в сознательном возрасте пережил разрушение СССР и «дикие девяностые»? Оставшиеся в живых вынуждены вписаться в не ими заданные реалии. Однако это прежде всего лишь ностальгия поколения, которое уже не может что-либо изменить в силу возраста, места в социальной структуре и т. п. Социально-психологическая травма уйдёт вместе с ними.

Новые поколения вписаны с рождения в конкурентную реальность и воспринимают её как норму жизни. Ностальгия родителей по доперестроечным социальным отношениям не отменяет убеждённости, что социализм не жизнеспособен в условиях глобального рынка. Левые движения немногочисленны и в основном маргинальны (фиксирую без отрицательного контекста). Политика государства на стимуляцию в человеке потребностей «био», а не «социо», наполнила новым смыслом пирамиду Маслоу.

К признакам общества травмы Ж. Т. Тощенко относит также разрушение материальной базы РФ, сравнивая современные показатели с советскими (с. 22–23). Это уже иной – объективный критерий. Но пустырь на месте колхоза-миллионера – это травма? Или травма – это социально-психологическое состояние, сопровождающее изменённую мобильность: статусную, профессиональную, территориальную, идеологическую? На наш взгляд, изменение структуры и показателей производства – факторы травмы.

Автор на вопрос: может ли общество травмы быть вечным, отвечает: нет, если будет на то политическая воля (с. 26). И этот ответ – тоже повод для дискуссии. У меня лично нет сомнений, что будет проигнорировано требование оппозиции о введении прогрессивного налога. *Не* изменится Трудовой кодекс в пользу наёмных работников. Государство *не* ограничит аппетиты руководителей организаций в пользу их подчинённых. Слабость протестов против пенсионной реформы показала власти, что можно наступать на права большинства и дальше. Например, 60-ти часовая рабочая неделя: это желание олигархата неспроста озвучил Прохоров.

Есть резон в выводе автора, что «возникновению прекариата во многом способствовала политика российских неолибералов, которые реализовывали придуманные ими схемы, исходя из личных измышлений, не советуясь с экспертами, а тем более с народом, которого они стремились (в который раз!) ошастливать (с. 74).

Мой вывод: «дорогие россияне» сегодня живут не в стране, а *на территории обмана*. И этот обман воспроизводят они сами. Он стал стилем жизни на работе, в семье, в дружбе. Ни в чём человек так не талант-

лив, как в искусстве самооправдания. Мантра «Все сейчас так живут» снимает нравственные ограничения и психологическое напряжение за счёт распада сознания. Напомним о ранее введённом автором понятии «парадоксальный человек».

Значимыми в теоретическом и практическом смысле являются заслуживающие внимания положения, обстоятельно рассмотренные и проанализированные Ж. Т. Тощенко. К ним можно отнести вопрос о возможности участия этого класса в политической жизни общества и, если потребуется, в политической борьбе. Но какова вероятность организации и самоорганизации этих групп?

В монографии рассматриваются некоторые новые формы отстаивания своих интересов в трудовых и жилищно-бытовых конфликтах, в деятельности антиглобалистских, экологических и субкультурных организаций, которые на вооружение избирают различные ранее не практиковавшиеся формы уличного протеста – организация «монстраций», блокирование улиц, воспрепятствование деятельности отдельных организаций, выставление пикетов у государственных учреждений. Смысл многих из этих акций – всеми способами и символами продемонстрировать свою незащищённость, нестабильность, иррациональность своего существования.

В этой связи очень интересен один вывод о роли и значении прекариата в политической борьбе в других странах. Ж. Т. Тощенко доказывает, что Трампа выбрал американский прекариат, ставший политической силой (с. 72). Хотя верно и другое: выбрать президента и добиться поворота к «государству всеобщего благоденствия» при новых технологиях управления – не одно и то же даже в США, где массовые протесты являются нормой.

В монографии сдержанно оцениваются возможности прекариата – у него нет признанных лидеров, отсутствует объединяющая идеология. Хотя, как справедливо отмечает автор, пролетариат также начинал свою деятельность разрозненными группами, долгое время не имел общепризнанных политических руководителей, а опыт борьбы накапливался постепенно.

Особое значение приобретает вывод, что прекариат комплектуется, складывается практически из всех слоёв современного общества, олицетворяет огромную массу людей, занимающих неустойчивое, нестабильное социальное положение, которое носит не временное, а длительное состояние. У этих людей нет уверенности в своей необходимости обществу, в своём праве претендовать на занятость по своей или смежной профессии, на социальную защищённость, на надежду в гарантированном будущем своей семьи и своих близких в ситуации, когда неизвестно, кому предъявлять претензии, кроме безымянных и неопределённых социальных институтов.

Таким образом, для прекариата *вопросы о занятости, о социальных гарантиях, о будущей судьбе – это вопросы не столько о том, ЧТО делать, сколько о том, КЕМ быть в этом мире.* Социальные группы

(слои), обозначаемые этим словом, олицетворяют отчуждение не только от результатов труда, но и от всего общества, испытывают особые, изощрённые формы эксплуатации их труда, знаний, квалификации.

Все это позволило автору монографии сделать вывод, что прекариат во многом ещё «класс-в-себе», находится на стадии протокласса, но постепенно шаг за шагом превращается в «класс-для-себя».

Статья поступила: 14.08.2019

10.19181/vis.2019.30.3.598

What is Happening Within the Social Structure of Russian Society?

Gallina S. Shirokalova

Nizhny Novgorod State Agricultural Academy, Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: shirokalova@list.ru

ORCID ID: 0000-0003-4089-5446

For citation: Shirokalova, G. S. What is happening within the social structure of Russian society? Reviewing Zh. Toschenko's study "The precariat: from the proto-class to a new class". *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 165–172. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.598

Abstract. This peer-reviewed monograph, written by Zh. T. Toschenko and titled "The precariat: from the proto-class to a new class", analyzes certain factors in the emergence of a new social community – the precariat. A critical analysis of contemporary studies on shifts in social structure is conducted by Russian and foreign authors, which allows for identifying certain specific phenomena and trends. Specified are parameters of the expansion of unconventional forms of employment, the relativity of one's specialty, the incommensurability of work performed and one's education and qualification, which produces alternative self-assessments and achievement practices. A lack of a layer of "economic security" and social guarantees for a considerable portion of the population extends the boundaries of this social community, while liberal policy exacerbates the unstable situation. The factual basis of this monograph is so comprehensive that it can serve as a sort of encyclopedia of contemporary labor relations in Russia.

The article was submitted on: 14.08.2019